

Фейербахом называл его «ленивым». Можно было бы его назвать еще школьным. Именно такой ум представил Гете в двух бессмертных поэтических образах: Мефистофеля-скептика и Вагнера-догматика. Оба они не способны к творчеству. «Ум Чацкого имеет черты ума не только Мефистофеля, но и Вагнера, и если отличается чем, то лишь акцидентально: в Чацком нет мефистофельского злорадства, но, с другой стороны, он развязнее Вагнера...»¹⁸.

По мнению Данелия, ум Чацкого, как он представлен в пьесе, укладывается в то понятие о сознании, которым располагали просветители XVIII в. Критикуя просветительские постулаты, мысль Грибоедова движется в русле того идейного потока, который берет начало в немецкой классической философии. Трудно сказать, в какой мере Грибоедов знал Канта. «Критика чистого разума» в России была уже известна, а в Московском университете, где учился будущий автор «Горя от ума», он мог слушать лекции по критической философии. Кант впервые в истории философии занялся «критикой ума», четко обрисовал границы применения низшей интеллектуальной способности — «рассудка» и поставил вопрос о «конститутивной», созидательной функции высшей ступени познания — «разума», указав на нравственность как на сферу, где эта функция проявляется в полной мере. Пьеса Грибоедова вплотную подходит к постановке проблемы о нравственных потенциях личности. За внешним диалогом действующих лиц скрывается внутренний — молчаливого автора и его говорливого героя.

Грибоедов не одинок. Можно изучать философский потенциал «Маленьких трагедий» Пушкина. Сопоставив лермонтовского «Героя нашего времени» с «Дневником обольстителя» С. Кьеркегора, мы обнаружим и сюжетное совпадение, и общее движение мысли. (Обе вещи возникали в одну эпоху, их авторы, надо полагать, не знали друг о друге.) В той или иной степени философские искания характерны для всех крупных писателей XIX в., когда художественная литература в целом находилась на наибольшем удалении от философии.

Наша работа посвящена XX веку, вернемся к нему. На рубеже веков — Л. Н. Толстой, гениальный писатель и великий мыслитель, автор «Исповеди» и «Что же нам делать», поставивших его в оппозицию к официальной идеологии, запрещенных царской цензурой, автор «Сказок», где литературное мастерство сочетается с популярным изложением нравственно-философских основ.

То, что раньше (XIX в.) было содержанием внутренним, ныне (XX в.) выплескивается наружу, предстает в обнаженном виде. В повести-сказке В. Шукшина «Точка зрения» перед нами иронические портреты не отдельных людей, а типов сознания. Вот обывательское — мир глазами пессимиста. Сватовство в коммунальной квартире — грязь, грубость. Невеста жеманится, жених хамит, дело пахнет дракой. В конце концов отец невесты снимает со стены охотничье ружье и выставляет сватов за дверь, а руку его дочери получает Непонятно кто. Затем та же сценка проигрывается в «оптимистическом» варианте, в терминах мнимого преодоления мещанства, в плохих газетных штампах. Здесь все отменно вежливо и сверхсознательны. Жених, правда, опять терпит фиаско, но по иной причине: в нем разглядели «маленького собственника», он захотел поддержанную «Победу», его клеймят позором, а невеста опять достается Непонятно кому, только теперь и он образцово-показательный: изучает язык древних арабов и едет работать на Крайний Север. Третий вариант — пародия на литературную практику — пятьдесят процентов очернительства и столько же лакировки. Семейство жениха такое, каким его видит «пессимист», семейство невесты — глазами «оптимиста», в результате — полный сумбур. И в заключение — все то же самое, только глазами нормального человека,

¹⁸ Данелия С. Указ. соч.